Общественная и культурная жизнь Новосибирского Академгородка. Легендарные шестидесятые.

КОФЕЙНО-КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ КЛУБ.

Дискуссионный клуб ККК считается одним из первых и наиболее известным из появившихся в Академгородке в ранние годы. Он начал работу в 1961 году в одной из полнометражных квартир жилого дома, где днем работали сотрудники отдела член-корреспондента АН Дмитрия Васильевича Ширкова из Института математики. К группе сотрудников отдела постепенно начали подтягиваться другие люди. Стали обсуждаться темы самого широкого спектра. Как одного из ос-нователей вспоминают Василия Васильевича Серебрякова.

В середине апреля 1963 года в честь «Дня космонавтики» Дом культуры «Академия» организовал устный журнал «Созвездие клубов». Первая страница устного журнала была посвящена Кофейно-кибернетическому клубу (ККК): «На экране вспыхивают буквы ККК. Яркий луч прожектора выхватил из темноты кусочек сцены, и все увидели Андрея Берса, сотрудника института математики. “Приветствую вас, уважаемое непустое множество мыслящих систем!” – говорит Андрей Берс, начиная первую страницу журнала традиционным приветствием кофейно-кибернетического клуба, – “слово предоставляется Николаю Загоруйко”. Н. Загоруйко подходит к столу и произносит традиционное: “Я клянусь согласно уставу говорить только о самом интересном”.

Из ККК впоследствии начали выделяться другие клубы. ККК в таком виде существовал и в 1965 году, только заседал уже в знаменателе «Интеграла». Основные дискуссии теперь проводились в рамках кафе-клуба «Под Интегралом», а ККК стал одним из многих клубов (их вначале называли подклубами, но потом стали говорить о «созвездии клубов»).

КАФЕ-КЛУБ “ПОД ИНТЕГРАЛОМ” И ФЕСТИВАЛЬ БАРДОВСКОЙ ПЕСНИ.

Идея витала в воздухе. Помните фильм 1956 года “Карнавальная ночь”, где активная молодёжь устраивала яркий праздник вопреки противодействию тупых бюрократов? В начале 60-х в крупных городах появилось новое явление — молодежные кафе с демократичной обстановкой, музыкой, выставками фотографий. Эти кафе в то время уже были созданы в столицах и активно пропагандировались ЦК ВЛКСМ в качестве новых форм неформальной работы с молодежью. Первое такое заведение — знаменитое кафе «Молодежное» — открылось в 1961 году в Москве на улице Горького и стало любимым местом молодёжи. В «Молодежном» открылся первый в Москве джаз-клуб. Располагавшееся в проезде Художественного театра напротив центрального входа МХАТа «Артистическое кафе» считалась в 1960-х «клубом всех искусств» с атмосферой парижского богемного кафе. Всего в 1964 году в СССР работало более 300 молодежных кафе.

Территориально изолированный даже от Новосибирска Академгородок, окруженный девственным лесом, был глушью: ни московских театров, музеев. Нет и просто кафе, где можно было бы скоротать время, свободное от науки, с кем-то встретиться, с кем-то познакомиться. Последнее обстоятельство особенно удручало молодежь, составлявшую большинство населения.

Свою версию развития событий предложил Александр Раппопорт: “Помню, как ещё до клуба "Под интегралом" был в Академгородке ККК – Кофейно-Кибернетический Клуб. И однажды я побывал там на встрече с профессором Ю.Б. Румером, юные годы которого прошли рядом с Максом Борном в Геттингене. Юрий Борисович, в частности, рассказал о том, что в этой Мекке молодых физиков и математиков было у них любимое кафе. Если кто-то не мог взять какой-то интеграл, то записывал его мелом или грифелем прямо на мраморной крышке столика. Его никто не имел права стирать, кроме самого записавшего. А он стирал это, когда на этой же столешнице появлялось решение. Рассказ Ю.Б. Румера, видимо, не мне одному запал в голову – не потому ли появились в Академгородке клуб-кафе "Под интегралом" и его обитатели – "интегральцы"?

Группа молодых людей Академгородка захотела создать своё «Молодежное кафе». Они были членами ККК, но хотели самостоятельности. Представлял их Толя (Анатолий Израилевич) Бурштейн, к.х.н., работавший в Институте химической кинетики и горения. А.И. Бурштейн пишет о совещании по проблеме свободного времени молодёжи: "Я взял слово и сказал: а не лучше ли просто обзавестись хотя бы одним молодёжным кафе наподобие тех, которые появились в Москве?” “Вот Вы предложили, Вы и пробуйте”, – сказали мне". С этим он и начал ходить по кабинетам СО АН. Его поддержали в объединённом комитете профсоюза. Им обеспечили материальную базу для работы и сразу сказали: вмешиваться в вашу работу или контролировать её мы не будем, работайте с комсомолом.

С самого начала кафе-клуб «Под интегралом» был и юридически и финансово связан с Объединенным комитетом профсоюза СО АН через его Дом культуры «Академия». Это не афишировалось. Деятельность клуба в небольшом объёме финансировалась через ДК «Академия». Обеспечивалась оплата текущих постоянных расходов, предоставлялась штатная единица директора, а на мероприятия кафе-клуба предоставлялись билеты Дома культуры (выручка от продажи билетов, за исключением налога, шла кафе-клубу). Все хозяйственные расходы – аренда помещения, уборка, электроэнергия, теплоснабжение, вода – осуществлялись хозяйственными службами СО АН безвозмездно. Всё это было предусмотрено Постановлением правительства для профсоюзных организаций и их учреждений. Клубу была предоставлена возможность проводить финансовые операции с помощью счёта Дома Культуры.

Герман Безносов: “Молодежный клуб «Под интегралом» родился 1 декабря 1963 года в столовой №8 на Морском проспекте, 24 и начал регулярно функционировать в одноэтажном здании на улице тогда Спортивной, 20, ныне Жемчужной. Его президент Анатолий Бурштейн посетил клуб ИАиЭ и пригласил меня «Под интеграл», назначив премьер-министром законодательного органа – кабинета министров. Министрами стали лидеры подклубов: дискуссионного, социологического, литературного, журналистского, песни, танца, «кабачкового» и другие. Исполнительным органом кафе-клуба был совет министров (финансов, питания, рекламы, транспорта и др.) под руководством председателя совета Василия Димитрова. Проект устава клуба премьер писал на основе широко не тиражируемой тогда Декларации прав человека. В принятом уставе записано, что «цель клуба - содействие интеграции людей, стремящихся к взаимному общению, на основе единства их увлечений и раз-влечений" <…>

Обычно молодёжные кафе работают «на улицу», т.е. на случайный контингент посетителей. Здесь же ставится задача работать «на себя». Установлена традиция: понедельник – артистический день (камерные концерты, встречи с актёрами); четверг –

Совета молодых учёных – дискуссии, околонаучные семинары, впечатления; пятница – поэзия, литературная критика. Даже широкие программы – «для всех» - собирают только заинтересованных, а предпочитающих бездумный отдых остаются в числителе.

Клуб, за что копья ломались, это нечто большее. Прежде всего, это люди. Много людей, взаимно интересных, не утонувших в уюте, открытых живому слову, дружескому рукопожатию. Горстка людей – это ещё не клуб. Она не задаёт тона в кафе, 100-150 членов клуба в среднем 25-30-летнего возраста – вот, что сейчас нам необходимо.

Дух кафе, его стиль и тон – это задаётся людьми, только людьми. Этого не купишь, не «организуешь». Это создаётся традицией. Без людей нет клуба, а без клуба, чем привлечёшь «тех» людей?

В кафе-клуб «Под интегралом» валом повалила молодежь, особенно студенты НГУ.

В знаменателе кафе-клуба «Под интегралом» прошла дискуссия «О научной зрелости учёного». Были затронуты злободневные вопросы научной молодёжи: как оценивать перспективы роста учёного и уровень его научной зрелости. Прошла дискуссия об экономических рычагах, предусмотренных Постановлением Сентябрьского пленума ЦК КПСС для промышленности страны. Ещё одна дискуссия: «Что такое общение – неизбежность или необходимость». С докладом выступил биолог Е. Панов, рассказавший об общественных эмоциях животных и, в частности, приматов. Состоялся диспут на тему «Куда идёт наука». Вёл его доктор химических наук Израиль Львович Котляревский. Кафе-клуб «Под интегралом» в преддверии XXIII съезда КПСС провел дискуссию по проблеме, которая интересовала тогда всю научную общественность – как сократить срок внедрения результатов научных исследований в производство.

У Президента в клубе были большие права. Почти диктаторские.

В дискуссиях всегда принимали участие идеологические работники, начиная от сотрудников Института Истории, философии и Филологии СО АН, преподавателей общественных наук НГУ и кончая работниками райкома КПСС во главе с его секретарями. Они смягчали резкие выступления, направляли дискуссии в нужное им русло. При этом всё их поведение как бы говорило: мы на вашей стороне. Но вот этого делать не следует, а вот это – новое, что мы предлагаем, – может помочь. Более же всего охраняло клуб тогдашнее новосибирское двоевластие: и сидевший в обкоме Горячев, и руководитель Академгородка академик Лаврентьев были на равных членами ЦК.

Все дискуссии в Интеграле тщательно готовились крупными специалистами по обсуждаемым вопросам. Тщательно подбирался и оппонент. И тому, и другому было что сказать, покритиковать существующие концепции, предложить новые. Это относится и к экономике, и к социологии, и к проблемам образования, и к развитию науки и общества, и к внедрению результатов научных достижений в народное хозяйство. Для дискуссий выбирались такие вопросы, такие проблемы, которые были, что называется, животрепещущими. Говорить о них громко как-то не было принято. Специалисты могли их обсуждать, но с применением сугубо научной терминологии. Ко-гда устраивались дискуссии, то непременно на них присутствовали корреспонденты либо «Комсомолки», либо «Литературной газеты», либо других органов из Москвы. В центральной печати появлялся репортаж о том, какая интересная прошла дискуссия, и все были довольны.

В Кафе-клубе "Под интегралом" были постоянные члены (более 100 человек) и любители тусовок. Среди них были как выдающиеся ученые-полемисты, так и молодые ученые, готовые спорить обо всем на свете. Но были, как пишут, и молодые женщины, без которых

все эти "заседания" были бы пресными. Одним было интересно, другие летели, как бабочки на огонек. «Интеграл» постоянно посещало не так уж много людей, но там был определенный круг завсегдатаев и элитарный круг руководителей.

Устанавливались контакты с клубами из других городов. Экспедиционный корабль с агитбригадой «Интеграла» на борту курсировал по Оби под собственным флагом. В этот бешенный водоворот событий вовлекались гости Академгородка, именитые ученые и поэты, международные комментаторы, корреспонденты нашего ТВ и Би-би-си, крупные экономисты и музыканты. Клуб завоевал репутацию места, где можно было выговориться всласть, излить душу, распахнуть ее настолько, насколько хватало смелости. В размахе этой деятельности, в энтузиазме, которым она питалась, было немало романтики, характерной для того времени.

Будущее представлялось только лучшим, а в Академгородке — и вовсе прекрасным. Поскольку все вокруг строилось, дома и институты росли как грибы, всем находилось место под солнцем. Дерзай — и воздастся

Апофеозом деятельности клуба стал фестиваль бардов 1968 с первым и последним выступлением на большой сцене Александра Галича. Идея фестиваля возникла на «Конференция по проблемам жанра» клубов самодеятельной песни (КСП) в подмосковных Петушках 20-22 мая 1967 года. От клуба «Под Интегралом» там была представительная команда, в том числе академовские барды. Приехали и знаменитые уже Александр Галич, Юлий Ким, Юрий Кукин, Ада Якушева.

Чесноков Сергей: "Предложение создать федерацию клубов Москвы, Ленинграда и Новосибирска было моё, я сделал его в последний день, его приняли, и, по принципу «инициатива наказуема» избрали меня президентом, Юру Карпова, Валеру Менщикова (Академгородок) и Володю Фрумкина (Ленинград) – вице-президентами, а Женю Райскую, Наташу Халатянц и Ларису Завалишину рабочей группой в Москве. Тогда же я предложил провести фестиваль, чтобы понятие «федерация» получило хоть какой-то реальный смысл. Предложение было принято, обсуждались разные варианты. По предложению Юры Карпова и Валеры Меньщикова было решено провести фестиваль в Академгородке 12 ноября 1967 года". Студенчество стало главным подвижником и питательной средой зарождающегося движения. Повальным увлечением того времени был туризм. Духовная составляющая этого образа жизни, выражаясь песней под гитару, взяла на вооружение, естественно, песни того же жанра.

Фестиваль хотели приурочить к 10-летию Сибирского отделения Академии наук и к 50-летию Октябрьской революции. Однако через некоторое время ЦК ВЛКСМ дал понять, что во время юбилея революции фестиваль бардов состояться никак не может. Пришлось отзывать приглашения, уже разосланные Владимиру Высоцкому, Булату Окуджаве, Михаилу Анчарову и другим бардам.

В Академгородок барды приезжали часто. Приезжал Кукин. После него выступал в ДК «Академия» в ноябре 1966 года Юлий Ким. Потом Евгений Клячкин и Александр Городницкий. Они пели в клубе «Под интегралом», в студенческих аудиториях, по квартирам и в больших залах на 800 мест в ДК «Академия» и ДК «Юность». Вторая половина 1966 года была началом эры бардов. В городке слушали их песни, а потом пели их на своих домашних посиделках. У клуба «Под интегралом» со многими из выступавших установились тесные связи, которые стали ещё теснее с созданием в «Интеграле» министерства песни. Руководителем этого направления – министром песни – стал аспирант ВЦ Валерий Меньщиков. Как-то незаметно бардовская песня стала одним из главных направлений деятельности клуба. А контекстом можно назвать французский шансон и

таких американских авторов, как Джоан Баэз и Пит Сигер – который по некоторым оценкам считается ключевой фигурой в возрождении народной музыки в США в середине XX века и в появлении музыки протеста. Их тоже знали и слушали. В середине мая Валерий Меньщиков и министр «социологии» Юрий Карпов приехали в Москву на собрание бардов страны, созванное москвичами для обсуждения перспектив бардовского движения.

Безусловными лидерами движения КСП были ленинградцы, они и начали раньше всех. Два мощных клуба, «Восток» и «Меридиан», со своими площадками. Налаженная система абоне-ментных концертов в течение всего года, свои авторы (Городницкий, Клячкин, Кукин, Полоскин, Вихорев, Глазанов, Генкин, Цветков и другие), мощные теоретики жанра Ю. Андреев, В. Фрумкин — к ним все тянулись. Однако инициатива создать клубную федерацию как бы в пику ленинградцам пошла из Москвы.

Организаторы этого своеобразного состязания – клуб «Под интегралом», московский городской клуб песни и ленинградский клуб «Восток» задумали собрать вместе только «своих» гитаристов и разослали 16 приглашений. Райком ВЛКСМ подписал все письма с приглашением бардов и руководителей клубов песни. Из приглашённых приехало только 8 человек, а по командировкам районных и городских комитетов комсомола – 18 (из Свердловска, Казани, Севастополя, Минска, Красноярска, Томска). Из 27 авторов 22 иногородних, причём 11 — лауреаты городских, зональных или всесоюзных конкурсов и слётов. Но в целом состав не именитый и слабоватый.

Анатолий Бурштейн: “В последнюю минуту ЦК ВКЛСМ отстранился, оставив нас в одиночестве. Хуже того, райком комсомола пошел против фестиваля. Основания были такие: песни не литованы. Мы ответили: «Ну и что, так было всегда». Но это было ненормально для Советского Союза. Наша наглость не знала меры, я закусил удила и пошел до конца. Мы собрались в клубе «Гренада» втроем: я, мой заместитель и девушка, которая торговала билетами, заперлись в ванной комнате, и он рассказал: «По моим каналам стало известно, что компартия против фестиваля». Я решил: «Тогда надо продавать билеты, поставить перед фактом. Я беру на себя ответственность». Девушка распространила несколько тысяч билетов за один день перед совеща-нием в обкоме. Райком КПСС был в очень сложном положении: когда билеты на руках у нескольких тысяч людей, это скандальная история. Райком партии боялся конфронтации с элитой Академгородка, которая поддерживала фестиваль”. Бурштейн: “…я заявил, что «ручаюсь своим присутствием в Академгородке за полный контроль над событиями во время фестивальных дней. Под это ручательство было дано высочайшее «добро»”. Отмена фестиваля означала большие труд-ности у всех, в том числе и у гостей, которые рассчитывали на оплату перелёта, проживания в гостинице и оплату питания.

По словам Жуховицкого, переломный момент наступил, когда президенту «Интеграла» Бурштейну партийное начальство заявило: Фестиваль проводить можно, но чтобы Галич не пел. Остальные же барды оказались порядочными людьми и в ответ на это сказали: Ну и мы тогда не будем петь! После этого партийное начальство пошло на попятную».

Председателем совета Дома ученых в то время был профессор Олег Федорович Васильев, который, поддержав фестивальную идею, дал согласие на проведение праздника в стенах Дома ученых. Предполагалось, что в состав жюри войдут В. Аксёнов, В. Фрумкин, Б. Окуджава, А. Пахмутова, Я. Френкель, А. Петров. Однако в итоге состав оказался совсем другим.

Оргкомитет снял в городе несколько больших залов, билеты на все концерты разлетелись в момент — в ту пору вольная песня была любима, как позднее рок-группы. Достаточные деньги появились только после продажи первых 3000 билетов. Собранных

денег хватило и на проезд бардам, и на гостиницу, и на питание, и на все неожиданности, которые то и дело возникали. После получения разрешения на проведение фестиваля, когда было продано ещё минимум 12 000, но, возможно, и больше (некоторые считают, что на фестивале было продано на все концерты в Академгородке и других районах города Новосибирска порядка 20 000 билетов), у «Интеграла» действительно появилось много денег. Кстати, значительные суммы от продажи билетов ДК "Академия" перечислял новосибирской филармонии, а при концертах на городских площадках делился с руководителями городских клубов и Домов культуры выручкой.

Накануне открытия праздника молодые «интегральцы» привезли Александра Аркадьевича Галича из аэропорта к председателю объединённого комитета профсоюза СО АН Михаилу Самуиловичу Качану в однокомнатную квартиру 38 на ул. Ильича, 1. Напротив Дома ученых. Он красиво вошел и представился «Я - Галич». Второй фразой, кажется, была «А попить – найдется?». Расчехлил гитару и начал пить и петь. Организаторы сразу сосредоточились на нём, в два раза более возрастном любого из остальных.

В четверг 7 марта в 19 часов в Большом зале Дома ученых началось знакомство с бардами – лауреатами региональных фестивалей. Москвичи прилетели ко второму отделению вместе с председателем федерации авторской песни Сергеем Чесноковым. Тогда пробил звёздный час Александра Дольского. Спев положенные песни, он ушёл за кулисы. Вышел к микрофону ведущий и стал ждать, когда стихнут аплодисменты. Они не стихали, ведущему не давали говорить. Он вынужден был снова пригласить Александра, и тот стал петь забойные песни. Зал бушевал. В это выступление у Дольского было не менее пяти «бисов». Такой успех ломал задуманную организаторами схему вечера, и ведущий Андрей Берс всё сделал, чтобы Дольский поскорее ушёл. В заключение концерта выступили Сергей Крылов, Александр Галич и Юрий Кукин. Галич спел «Старательский вальсок», «Закон природы» и «Я принимаю участие в научном споре». Кукин исполнил «За туманом» и «Город», который стал своеобразным гимном Академгородка.

Официальное открытие «Праздника самодеятельной песни» (так было написано на заднике сцены, хотя изначально готовился первый Всесоюзный фестиваль самодеятельной песни) было в пятницу 8 марта в 18 часов 30 минут. Председатель Оргкомитета Д.В.Ширков открывая праздник сказал, что он посвящен не только юбилеям Революции и Академгородка, но и женщинам в их законный день. В концерте – презентации каждый из 23-х бардов исполнял по две песни на свой выбор. Александр Галич выступал предпоследним, перед Кукиным. Его первая песня «Памяти Пастернака» потрясла переполненный Большой зал ДУ. Последние строки:

А над гробом встали мародеры

И несут почетный ка-ра-ул.

Все (кроме партийных функционеров на одном из первых рядов) встали. И громовая овация!!! Так это описывают. Но не забывайте, что к тому времени прошло уже восемь лет после смерти Пастернака и десять после его исключения из Союза писателей. Автор опоздавшего романа, мало что значившего после "Тихого Дона" Шолохова – "Хождения по мукам" А.Толстого – "Белая гвардия" Булгакова, Пастернак стал лауреатом Нобелевской премии после скандала. Ниому не известные московские художники абстракционисты стали знамениты после скандала на выставке. Скандал ждал и Галича, получившего после скандала другое качество. После него - неминуемая слава легенды бардовской песни. Тогда был Хрущёв, а теперь Брежнев. Вот контекст, строчки для сравнения: "Отберите орден у Насера не подходит к ордену Насер (…) Почему нет золота в стране? Раздарили гады, раздарили. Лучше бы давали на войне, а Насеры после б нас простили". Это из песни

Высоцкого 1964 года. А звание героя Советского Союза присвоил Насеру Хрущёв в том же 1964 году. Или опять Высоцкий (1964):

Думал я - наконец не увижу я скоро

Лагерей, лагерей,

Но попал в этот пыльный расплывчатый город

Без людей, без людей.

Бродят толпы людей, на людей непохожих,

Равнодушных, слепых, -

Я заглядывал в черные лица прохожих

Ни своих, ни чужих.

Или песни Ножкина, которые он пел со сцены в шутовском колпаке – об острых современных вопросах. А вот что пели на этом же фестивале песни:

Я совершенно слепой старик.

Всё что у вас - мне не надо и даром,

Что до того мне, что солнце горит -

От солнца лишь тень на мою гитару.

Я ничего, ничего не вижу,

Да я и видеть не хочу.

Даже тонкий лирик и виртуоз Дольский пел: “Но бывает такое в жизни: вдруг покажется, что стоим По колено в болотной жиже Во главе с капитаном своим. И хотим повернуть обратно, Толь-ко он все орет”.

Второй у Галича была «Баллада о прибавочной стоимости». На «бис» он спел «Ошибку». Вот к этой песне и были потом основные претензии. В ней увидели подмену темы героизма в войне на войну как ошибку. Открытие фестиваля снимали две студии кинохроники: Новосибирская и Свердловская. Именно эти песни Галича, впервые исполненные публично, увековечены Новосибирской кинохроникой кинохроникой. Это единственные кинокадры поющего поэта на его родине. Тогдашний председатель коллегии Дома ученых, член-корр АН СССР Алексей Ляпунов и директор Картинной галереи Дома ученых Михаил Макаренко наградили Галича почетной грамотой с сопроводительным письмом: «Награждение Вас почетной грамотой - дань нашего уважения Вашему таланту и Вашему мужеству, Вашему правдолюбию и непримиримости, Вашей верности Советской Родине. Наше прогрессивное, развивающееся государство не боится мысли, анализа, критики — наоборот, в этом наша сила». На праздник был аккредитован большой корпус журналистов. В субботних выпусках всех центральных газет появилась краткая информация о его открытии.

В 22 часа начинался традиционный конкурс красоты. Первая мисс Интеграл – это … Гера Безносов. Он завоевал это звание, переодевшись в женский наряд ещё в 1965 г. Любовь Качан в «Перебирая старые бумаги»: “Мы с Шатько в жюри и испытываем мощный напор разного рода лоббистов. Толя Бурштейн с нудным упорством требует, чтобы звание досталось аспирантке, активно проявившей себя в общественной работе.

Сверху читается: кафе-клуб “Под интегралом”.

Мы поддаёмся давлению и беспринципно увенчиваем лаврами общественное лицо девушки, которую даже толком не разглядели. И конкурс красоты, и фестиваль были первыми не только в Новосибирске, но и в СССР”. Мне как-то странно, чего в своих воспоминаниях они так носятся с темой конкурса красоты? Достаточно примитивное мероприятие, мало соответствующее ин-теллектуальному уровню Академгородка.

Сразу же выявились фавориты: свердловчанин Александр Дольский (сейчас он живёт в С.-Петербурге), ленинградец Юрий Кукин, москвич Сергей Чесноков, минчанин Алик Крупп (через год он погибнет в лавине на Памире). Явно чувствовалось особое отношение к Александру Галичу. Сергей Чесноков: “Концерты продолжались. И организованные, и стихийные. Из-за отсутствия постоянной сцены трудно было проследить за расписанием концертов. И тогда была разработана так называемая «система Жень». По городку ходили люди с надписью на груди «Женя». Чтобы узнать, где и когда будет концерт, надо было обратиться к «Жене»”.

Галичу после первых двух концертов запретили выступать. Но совет Дома учёных потребовал для членов Дома учёных и их семей концерт с его участием. Анатолий Бурштейн: «Мне после этого сказал контролирующий фестиваль представитель райкома партии, что Галича надо отстранить от концертов. Он, в общем-то, был к этому готов. Я к этому тоже был готов. Но тот же самый человек подошел ко мне и сказал: “Знаешь, академики хотят все-таки послушать. Придется его разрешить”. И мы дали ему тогда отделение. Целиком». Билеты на этот концерт распространяли через Совет Дома учёных.

Совет ДУ пригласил несколько певцов, включая Галича, на дружеский ужин в ресторан ДУ. Так что всего у Галича было три выступления в ДУ, где тысячный зал, и одно в ресторане ДУ, где было человек триста. 9 марта Галич дважды выступал в зале Дома учёных. На концерте, который начался в 16:30, ему целиком отдали 2-е отделение, и он спел 8 песен, а на закрытом концерте для академиков, начавшемся в 8 часов вечера, Галич спел 28 песен, среди которых были песни о чекистах и особистах.

На дискуссиях (их было две) отмечались и недостатки. По мнению всех выступавших уровень мастерства многих бардов оставлял желать лучшего, лауреаты некоторых городских смотров (например, севастопольского, красноярского, казанского) выступили на уровне ниже среднего. Некоторым авторам было указано на отсутствие чёткой авторской позиции, а организаторам – на то, что репертуар концертов оказался недостаточно продуманным. На дискуссиях назывались и соответственные причины этих недостатков: отсутствие творческих семинаров, подобных тем, которые устраиваются для молодых писателей, музыкантов, кинематографистов; отсутствие на празднике ветеранов песенной поэзии – Булата Окуджавы, Михаила Анчарова, Новеллы Матвеевой и других более молодых, но уже признанных авторов и исполнителей (они были приглашены, но по разным причинам не приехали); неожиданное расширение числа участников праздника. Среди выводов отмечено: песенная поэзия как художественное и общественное явление существует, требует внимания и серьёзного подхода.

Праздник песни завершался во вторник 12 марта гала-концертом лауреатов. Первый – Галич, второй - Кукин, третий – Дольский. Никто не думал о призах и премиях, так как это был не конкурс, а праздник. Галич под негласным запретом, однако, здесь он в центре событий. С предсказуемым результатом как для организаторов, так и для самого Галича. А также и для всей инициативы в целом. Дальше история бардовского движения пошла мимо. Однако после этого фестиваля Галич как раз только и приобрёл широкую известность. Настоящие проблемы у него появились гораздо позже.

Закрытие фестиваля. 12 марта 1968 г. Фотография Владимира Давыдова.

В Академгородке фестивалей авторской песни больше не было никогда. В мае 1967 года состоялся первый общемосковский слёт КСП, такие слёты стали ежегодными. Каждый куст КСП ежегодно проводил свои слёты. Обычно дважды в год - осенью и весной. Слёты проводились по выходным дням, в лесу, как бы в тайне от властей. Информация о таких слётах тщательно скрывалась, распространялась только между своими, через проверенных людей; иногда о точном месте проведения слёта можно было узнать только в последний момент. Знаменит Грушинский фестиваль. Более мелких фестивалей множество.

По одной из версий, в начале 1970-х годов дочь члена Политбюро Дмитрия Полянского выходила замуж за актера Театра на Таганке Ивана Дыховичного. После шумного застолья моло-дежь стала развлекаться — сначала танцевать, затем слушать магнитиздат: Высоцкого и Галича. В какой-то из моментов к молодежной компании присоединился и отец невесты. До этого, как ни странно, он никогда не слышал песен Галича, а тут послушал и возмутился. Вызвал Галича к себе в кабинет, но тот не явился. Чуть ли не на следующий день он поднял вопрос об «антисоветских песнях» Галича на Политбюро, и колесо завертелось. Галичу припомнили все: и его выступление в Академгородке, и выход на Западе (в «Посеве») сборника его песен, и многое-многое другое, на что власти до поры до времени закрывали глаза. До этого момента он считался одним из самых преуспевающих авторов в стране, получал приличные деньги через ВААП, которые от души тратил в дорогих ресторанах и заграничных вояжах. Теперь все это в одночасье исчезло. В 1974 году за рубежом вышла его вторая книга песен под названием «Поколение обреченных». Когда в том же году его пригласили в Норвегию на семинар по творчеству Станиславского, ему у нас заявили: «Зачем вам виза? Езжайте насовсем».

Вскоре прекратил существование и клуб “Под интегралом”. Всё, по сути, решилось после дискуссии «О социальной вялости интеллигенции». Анатолий Бурштейн: “Знаковая дискуссия «О социальной вялости интеллигенции» произошла в мае 1967 года накануне моего отъезда в Одессу. Я брал 4-месячный отпуск, чтобы писать докторскую, и не подготовился к ней, как обычно. Мы только что получили помещение ТБК в свое распоряжение. Я ходил там с символической шпагой в руках и обвинял присутствующих и вообще население Академгородка в пассивности. И городок откликнулся. Один, например, просто вышел и сказал: «Вот вы меня обвиняете в том, что я так неактивен в общественной жизни. А я делаю науку, это мое призвание. А общественное отношение я выражаю на выборах – я голосую против коммунистической партии Советского Союза»”. Как часто бывает, шёл всё более смелый поиск границ допустимого.

В мае Интеграл организовал выступление театра МГУ "Наш дом". Гостями были Марк Розовский и Семен Фарада. На финансирование этих дорогостоящих гастролей у Дома Культуры денег не хватило. Возможно, это был первый случай, когда “Под интегралом” получил дополнительное финансирование от Советского Райкома комсомола.

Последним делом уже фактически распущенного к тому моменту клуба "Под Интегралом" стала организация Бала Неучей в новогоднюю ночь, на 1 января 1969 г. Более сотни человек – старых участников клуба – объединились в оргкомитете бала, три недели кипела подготовка. Все витражи фойе и ресторана Дома ученых были ярко расписаны профессиональными художниками. Было приглашено более пятисот человек. Все были одеты в карнавальные костюмы, и атмосфера царила самая непринужденная. Неучи, то есть те, кто НЕ участвует в формировании ценностей эпохи застоя, собрались в Доме учёных, чтобы проводить не только год, но и время. Уходящую эпоху. После бала клуб «Под Интегралом», как говорят его основатели, самораспустился.

Пострадали только те интегральцы – руководители клуба, которые подписали «письмо 46». Их было четверо: Г. Яблонский (премьер-министр), В. Меньщиков (министр песни), Ю. Карпов (министр со-циологии) и С. Рожнова.

С. Костюк в своих воспоминаниях пишет: «... Клуб «Под интегралом», созданный при участии райкома комсомола ... отказался войти в Совет [творческой молодежи, созданный райкомом], заняв, к сожалению, автономную позицию и став тем самым центром притяжения оппозиционных комсомолу (и советской власти, как в итоге оказалось) сил в Академгородке…В работе клуба, юридически и финансово руководимого профсоюзным комитетом СО АН, изначально боролись друг с другом две тенденции – культурная и политическая. По первой мы сотрудничали, по второй – остро конфликтовали».

Широко распространённым мнением является утверждение, что клуб "Под интегралом "самораспустился" после увольнения директора ДК "Академия" В.И. Немировского, когда новый директор ДК лишил "Интеграл" штатов и финансирования. На самом деле, в это время Дом культуры «Академия» выделял клубу, правда в сокращённом объёме, и штатные единицы, и финансы. И их приходилось буквально выцарапывать у нового директора ДК "Академия" Кигель. Финансировать клуб мог и райком комсомола, который хотел установить контроль за его деятельностью. На это клуб не пошёл. Что там такого принципиального для организаторов запрещал бы комсомол из шедших под идеологическим конторолем горкома партии мероприятий, представить трудно. Видимо, все просто устали.

В 2003 году в день рождения Галича инициативная группа граждан изготовила и повесила на двухэтажном здании на проспекте им. М.А. Лаврентьева, где теперь размещается банк, мемориальную доску: "В этом здании клуба-кафе "Под интегралом" в марте 1968 г. выступал российский бард, поэт и драматург Галич Александр Аркадьевич (1918–1977)". Тогда же был создан в Новосибирске "Клуб Александра Галича", ставший не только его музеем и архивом, но и действующей гражданско-общественной трибуной.

Президент клуба "Под интегралом" Анатолий Бурштейн уехал в Израиль. Григорий Яблонский, один из создателей легендарного клуба - в США. "Министр песни" Валерий Меньшиков и "министр фотографии" Владимир Давыдов перебрались в Москву. Хранителем знамени, печати и архива клуба "Под интегралом" в Академгородке остался его вице-президент и "министр странных дел" Герман Безносов.

КИНОКЛУБ «СИГМА»

Один из самых заметных клубов и легенд Академгородка - киноклуб «Сигма». Он начинался как кинокомиссия ОКП, отбиравшая фильмы в облкинопрокате для показа в Академгородке (Ездил я потом в этот кинопрокат от университетского кино-клуба. Их собственный фонд был откровенно слаб, на этом работу не построить. А новинок едва хватало, чтобы текущий репертуар сформировать). Потом киносовет открывшегося ДК “Москва”, и, наконец, в 1965 году киноклуб. Одна из сотрудниц ДК «Академия» Леония Мундециемс, занимала ставку зам директора ДК, но фактически всё время у неё уходило на дела Клуба Друзей Кино. Первым председателем был Виктор Хандрос, потом надолго стал Леонид Боярский. Свое начало, как и клуб-кафе «Под интегралом», киноклуб «Сигма» отсчитывает от клуба ККК. Как пишет Леонид Боярский, “...название наше – "Киноклуб "Сигма"" - мы придумали, в какой-то мере, в противовес клубу "Под интегралом" (интеграл – сумма бесконечно малых величин, а сигма - тоже сумма, но ого-го, каждый член клуба это голова!)”. Бывавший в Академгородке киновед и писатель Иммануил Лазаревич Сосновский встречался с руководителями киносовета и посоветовал организоваться в кино-клуб и зарегистрироваться в "Советском экране". Впоследствии стали одним из пяти самых старых действующих киноклубов. Тот же Сосновский помог договориться с первым заместителем генерального директора Госфильмофонда Владимиром Юрьевичем Дмитриевым. Так киноклуб стал получать дважды в месяц ленты из Госфильмофонда. Стали приезжать режиссеры с новыми, еще не выпущенными на экраны фильмами.

Письмо в Госфильмофонд готовил и подписывал у академика М.А. Лаврентьева председатель ОКП СОАН М.С.Качан. Лаврентьев его внимательно прочитал. Пробурчав что-то, вроде того, что кино больше двух часов не идет, спросил:

– А что, это очень нужно?

– Можно будет смотреть старые фильмы – шедевры кино. Кино любят многие, а хороших фильмов мало. Мы делаем шаг, важный для всех – и молодых научных сотрудников, и академиков.

– А что и академики ходят туда?

– Ходят.

Лаврентьев одобрял только то, что сам считал полезным для науки (или считала полезным его жена Вера Евгеньевна, а в вопросах культуры именно ее мнение было для Михаила Алексеевича решающим). Кино, театр, спорт, по его мнению, только отвлекали

научных работников от решения задач, которые они должны решать не только на работе, но и в свободное время. Видимо, отвлечение научного сотрудника на два часа чтобы посмотреть киноон посчитал возможным.

В уставе киноклуба «Сигма» он назван официальным объединением лиц, исповедующих принцип: «Из всех кино для нас важнейшим является искусство". Крылатая фраза вождя пролетариата была в киноклубе перефразирована. В первые годы действовал конкурсный прием. Обусловлено это было прежде всего именно «закрытыми» просмотрами (members only). Основная форма работы клуба – просмотр кинофильмов с обязательными вступительной беседой и заключительной дискуссией. Вступительное слово это стиль работы “Иллюзиона”. Что такое дискуссии многие знают, чаще всего это натужная формальность.

Первые две беседы по программе 1966 года – о советском киноискусстве 20-х годов и о французском кино этого же периода - проводил Э. Сосновский. Затем прошла открытая дискуссия по творчеству известного американского режиссёра С. Крамера. Единственный раз я был в “Сигме” на просмотре ходульного и скучного французского фильма 1938 года “Сети шпионажа”. Потом за всё время учёбы в университете о “Сигме” вообще ничего не слышал.

В 1968 году киноклуб лишился доступа к коллекциям Госфильмофонда. И о дискуссиях вопрос уже не ставился. Нужно было искать другие формы работы. Выжить помогло Бюро пропаганды киноискусства, организовавшее для Академгородка отдельный абонемент «Встречи с режиссерами и киноведами». Затем наступила эра видеокассет и видеодисков, и жизнь клуба стала налаживаться на новой основе. Он вошёл в систему клубов Дома Ученых.

ОБЪЕДИНЁННЫЙ КОМИТЕТ ПРОФСОЮЗА КАК ЦЕНТР ИНИЦИАТИВ.

Любопытно наблюдать, как появившийся среди леса Академгородок формирует с нуля свою идентичность. Как складывается специфическая субкультура. Как возникают узнаваемые по другим городам черты.

Не наукой единой жив человек. Жизнью можно назвать существование человека, если удовлетворяются его многочисленные и многогранные запросы, в том числе в области его ма-териальных и духовных интересов, весьма далёких от научных. В начале 60-х уже был создан фундамент, на котором и было выстроено здание культурной республики СОАН. Все начинания того времени так или иначе прошли через объединенный комитет профсоюза СОАН, где с 1963 года вплоть до середины 1967 года фактически работал в качестве председателя Михаил Самуилович Качан.

Сложилась своя команда: Первый заместитель Председателя Гарик Платонов, директор Дома учёных Владимир Иванович Немировский (он совмещал и пост директора ДК «Академия»). ОКП не только держал в своих руках управление культурной жизнью Академгородка, но и планировал ее дальнейшее развитие. Группирующийся вокруг них актив общественников чем-то неуловимо был похож как на них, так и между собой. Сейчас это можно было бы назвать рукопожатной субкультурой.

Райисполком находился на левом берегу. Поэтому фактически ОКП подменил во многих вопросах советскую власть. Объединенным комитетом профсоюзом никто «не руководил» – ни Обком профсоюза, ни райком партии. Самостоятельно шло становление Академгородка как культурного центра, формирование культурного поля Академгородка.

Сейчас мне кажется, что одним из главных побудительных мотивом было стремление преодолеть дремучий провинциализм заброшенного среди лесов поселения.

М.С.Качан: “Я к тому времени, уже знал, что в рамках существующей системы можно сделать очень многое, если подстроиться под действующие законы и положения, если поработать с теми, кто принимает решения и заручиться их поддержкой, если не гнаться за «журавлём в небе», а довольствоваться «синицей в руках», – это лучше, чем ничего. (…) Мы твердо знали, кто не с нами, и в то время нам казалось, что они не были против нас”.

Дом культуры, а затем и Дом Учёных подчинялись административно Объединённому комитету профсоюза, идеологического партийного руководства этими учреждениями культуры и их дочерними учреждениями, и клубами (например, кафе-клубом «Под интегралом», Кино-клубом "Сигма") со стороны партийных органов вначале не ощущалось совсем. Первые секретари райкома М.П. Чемоданов, а затем и Ю.Н. Абраменко только говорили об идеологической работе и её важности. Жизнь бурлила на всем высокогорном плато культуры Академгородка, причем пиков на этом плато было не два и не три, а много. Среди них главным пиком был Дом культуры «Академия», к которому в 1966 г. присоединился и Дом ученых.

Интеллектуальная свобода, которая так востребована в науке, не могла ограничиваться исключительно наукой. Она распространяется и на общество, и на политику, и на культуры. Свой отпечаток отложило и то, что сюда съезжались люди, которые не могли найти себя в других местах, люди, которых в других городах «выжимали» из сферы науки и культуры.

Симфонический оркестр и оркестр народных инструментов готовили свои программы. В профсоюзной музыкальной школе училось более 300 детей. Не меньше двухсот ребят учились в детской художественной школе. Работали спортивные секции. Начал работать и детский симфонический оркестр под управлением Эдуарда Михайловича Левина. Пользовался успехом клуб «Старшеклассник», где одновременно занималось до 700 детей. Начала создаваться Школа современного (бального) танца под руководством Геннадия Малькова. Это было время, когда любительские школы или клубы бальных танцев появились и в Москве, и Ленинграде, и во многих городах. Отношение идеологических блюстителей к ним было, мягко скажем, прохладное. Им казалось, что и танцы слишком вольные, и одежда слишком фривольная. Тем не менее, это движение ширилось.

Театр-студия Арнольда Пономаренко готовила к постановке «Бориса Годунова». Там первый акт ставился по пьесе А.С. Пушкина, а второй – по Константину Толстому.

На стадионе спортклуба СОАН успешно функционировал Дом физкультуры, под руководством Ермакова, а рядом к зиме 1966-1967 гг. начала функционировать конькобежная база.

М.С.Качан: “Это были наши годы. Это было наше время. Это было место, которое мы сами создали. Оно стало таким, каким мы хотели его видеть. Жить в нём стало интересно. Жизнь наполнилась новым смыслом. (…) Мы твёрдо знали, что можно и что нельзя, и постоянно своими действиями сдвигали границу между «можно» и «нельзя» в сторону «нельзя», расширяя область «можно». (…) Мы сделали постоянным ритуалом то, что гости зазываются к кому-нибудь домой, «на кухню», где за рюмкой чая беседа продолжалась, и цензурных ограничений там уже не было. Гость расслаблялся и был чрезвычайно рад, что, вот, есть на свете места, где он может чувствовать себя совершенно свободным и говорить

обо всём, о чем только пожелает. Всё-таки самоцензура, присущая нам всем в то время, создавала определённое стрессовое состояние. Избавиться от стресса хоть на какое-то время, не чувствовать на себе его гнёт, – было счастьем. На этих посиделках завязывались знакомства, и начиналась дружба, сохранявшаяся годы и десятилетия. Уезжая, гость знал, что у него в Академгородке остаются друзья. И он стремился приехать сюда ещё и ещё раз".

Не удивительно, что в столицах заговорили об особой ауре Академгородка, которая на самом деле была. Выражаясь известными штампами, оттепель здесь продолжалась, в то время как других местах уже наступили заморозки. Новому грандиозному научному центру это позволили.

С появлением у горкома комсомола собственных финансов через фирму "Факел" активизировалась другая группа общественности.

КЛУБ КНИГОЛЮБОВ.

Клуб книголюбов (впоследствии «Гренада») был организован Борисом Швецовым в 1960 году, когда на Академической ул. (Морском пр.) в жилом доме на первом этаже открылся книжный магазин. Это в трёх минутах ходьбы от Дома Учёных. При мне магазин занимал квартиру. В одной комнате был большой отдел научной букинистики, в другой обычная букинистика и подписные издания. В каждой комнате по стенам стеллажи, а посредине столы для выкладки книг. Свободного места практически нет. Первый директор книжного магазина Валентина Ивановна Скороходова не просто приютила этот клуб, но и оказывала ему полное содействие.

Клуб начал свою работу с организации встреч с писателями и поэтами, с обсуждения новых книг и публикаций в толстых журналах, которые в те годы открывали глаза на только что ушедшую эпоху Сталина и восхищали непривычной «смелостью», с которой они были написаны. К середине шестидесятых клуб «Гренада» уже возглавлялся Эдуардом Штенгелем, сотрудником Института автоматики и электрометрии.

ФЕХТОВАЛЬНЫЙ КЛУБ "ВИКТОРИЯ".

По соседству с ТБК, в одном здании с ним находился знаменитый некогда детский фехтовальный клуб "Виктория", созданный в 1968 году. Инициатором его создания стал активный писатель и журналист Карем Раш. Мушкетеры в парадной форме всегда украшали массовые шествия в Академгородке в дни праздников, являлись своеобразной визитной карточкой городка. Сотни отечественных и зарубежных делегаций наблюдали в стенах клуба за поединками юных спортсменов. Серьезную финансовую поддержку клубу «Виктория» оказала знаменитая фирма «Факел»- хозрасчётное предприятие при комсомоле, благодаря которому в Академгородке были открыты и другие детские клубы. В штате клуба было более 20 человек, работа которых оплачивалась из привлеченных комсомольских средств. Фехтовальщиков в Новосибирске успешно тренировали и до Карема Раша, но такого клуба с самоуправлением ребят, изучением геральдики, бальных танцев и французского языка, целой программой по гармоничному раз-витию личности – не было. Устав будущей «Виктории» одобрил глава Сибирского отделения Михаил Алексеевич Лаврентьев, и вскоре клубу выделили здание бывшего торгово-бытового ком-

Посвящение в мушкетеры членов фехтовального клуба "Виктория" в Доме ученых . В центре академик М.А. Лаврентьев.

бината. К сожалению, помещение приходилось делить с Домом пионеров, но вскоре и эта проблема разрешилась. Однажды утром дверной проём был аккуратно заложен кирпичом - при-шедший на работу директор Дома пионеров, отперев замок, обнаружила за дверью стену. Пионерам выделили новое помещение. Посвящение в «мушкетёры» происходит на главном турнире «Виктории», который проводится 9 мая и посвящается сибирякам-гвардейцам, погибшим в Великой Отечественной войне. «Виктория» - единственный в Европе, а может быть и в мире на тот момент, фехтовальный клуб, который проводил такой турнир на всех видах оружия (сабля, шпага, рапира). Здесь и определялся самый сильный фехтовальщик, который становился капитаном клуба. Уникальный клуб, который учил чести, совести и достоинству чуть ли не половину детей академ городка. Несколько правил для воспитенников.

1.Помни, что до последнего укола твой противник не победил.

2.Учись проигрывать с честью и побеждать с достоинством.

3.Всегда уважай своего противника, кем бы он ни был.

4.На дорожке и вне её веди себя как спортсмен и человек общества.

5.Уважай своего тренера и цвета флага своей страны.

КЛУБ ЮНЫХ ТЕХНИКОВ.

Кружки КЮТа называли лабораториями, как у взрослых. Среди них лаборатория конструирования малогабаритной техники, где каждый член кружка делает свою собственную модель. Всё своими руками, кроме мотора – чертежи, детали и сборку. А все вместе делали микроавтобус на шесть мест. В лаборатории авиатехнического моделирования младшие делали коробчатых змеев типа «муха», а старшие – кордовые модели самолётов и радиоуправляемые модели. С ними ребята ездили на Всероссийские соревнования авиамоделистов. В лаборатории автоматики ребята делали приборы-автоматы и даже конструи-ровали «электронный экзаменатор». Была лаборатория полиграфии, лаборатория кинолюбителей, фотолаборатория. Участвовали в соревнования юных картингистов Новосибирской области.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ ДЛЯ АВАНГАРДА.

Первая послевоенная персональная выставка работ П. Н. Филонова открылась 18 августа 1967 г. в Новосибирске, в Картинной галерее Сибирского отделения АН СССР. С выпуском первого каталога произведений Филонова, текстовым содержанием прямо противоречащим установкам социалистического реализма. В конференц-зале Дома учёных прошёл вечер памяти Филонова с присутствием гостей из Ленинграда.

Живопись Фалька, которая уже после смерти художника была представлена на выставке «30 лет Московского союза художников» (1962–1963), подверглась официальному разгрому. Позднее его выставки проходили в Ереване (1965), Москве (1966), а в 1967 году – в Академгородке.

В начале Великой отечественной войны семья Лисицкого была сослана в Новосибирск, где его вдова и сын прожили всю оставшуюся жизнь. Им удалось сохранить архив художника, благодаря чему в 1967 году в картинной галерее Дома учёных Академгородка состоялась первая выставка Эль Лисицкого.

Прошли первая выставка авангардиста Дмитрия Гриневича, выставка Николая Грицюка («Товарищ Грицюк, Вы пишете ещё хуже, чем Пикассо!»). Нашумевшую выставка мало кому известного тогда молодого ленинградского художника авангардистского толка Михаила Шемякина. Выставка офортов Гойи.

Хранитель картинной галереи Дома учёных Михаил Янович Макаренко (коллекционер и предприниматель, активный участник диссидентского и правозащитного движения) попытался организовать выставку Марка Шагала. Шагала неожиданно согласился. В Сибирском отделении АН заручились поддержкой Михаила Алексеевича Лаврентьева и направили письмо в Министерство культуры. Был получен отрицательный ответ.

Широкие массы жителей Академгородка к этим выставкам по моим ощущениям остались равнодушны.

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ.

Театров было несколько. Театр-студия Арнольда Пономаренко (или Театр-студия Академгородка), был и останется одним главных частей культурного феномена Академгородка 60-х, наряду с клубом «Под интегралом», киноклубом «Сигма» и другими творческими коллективами, чья работа в составе центра культуры – ДК «Академия», а с 1966 года и Дома учёных – направлялась в те годы Объединённым комитетом профсоюза СО АН СССР, создателем и режиссёром культурного феномена новосибирского Академгородка.

Театр гремел в Академгородке и с успехом выступал на других площадках. Его спектакли были событиями культурной жизни Академгородка, постоянно были аншлаги. Артисты стали местными знаменитостями. Работал до 1968 года.

Вячеслав Новиков (кандидат физ –мат наук) был режиссером любительского театра при Доме культуры «Академия» «Лицедеи». Он прогремел постановкой опальной пьесы Николая Эрдмана «Самоубийца». Премьера спектакля состоялась на сцене Дома Ученых Академгородка 4 декабря 1984 года. Успех у зрителей был оглушительный. А в январе райком партии Советского района города Новосибирска, куда относится Академгородок, запретил спектакль. Участников спектакля стали называть «самоубийцами» и «декабристами» (последнее по дате премьеры и по аналогии с участниками восстания на Сенатской площади). Директора Дома культуры «Академия» Неллю Мироновну Малиновскую сняли с работы, объявив партийный выговор. Хорошая была женщина. Помню её по той помощи, которую она оказывала нашему студенческому киноклубу “Кадр”.

ЛЕГЕНДА КОМСОМОЛЬСКОГО БИЗНЕСА ФИРМА “ФАКЕЛ”.

8 июля 1966 г. Решением Бюро Советского райкома ВЛКСМ г. Новосибирска в Новосибирском научном центре на общественных началах было организовано комсомольское конструкторское бюро, названное позже научно-производственным объединением "Факел". Основной задачей объединения стало проведение силами научной молодежи институтов Сибирского отделения и студентов вузов Новосибирска научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ с целью ускорения научных исследований и внедрения результатов науки в производство.

Игорь Коршевер: “Началом можно считать отчетно-перевыборную конференцию комсомольской организации Советского района в декабре 1965г. в ДК "Юность". Конференции предшествовало длительное бурление молодежи (в основном студенческой) за обновление комсомола. Совершенно неожиданно для них самих, инициаторы этого движения одержали на конференции организационную победу. Это был тот редкий в советской истории случай, когда на короткий период молодежь и комсомол оказались вместе. Весь состав нового районного бюро райкома комсомола (В.Костюк, С.Рожнова, А.Казанцев, Г.Аношин, И.Яковкин, И.Коршевер и др.) стал реформаторским. Первым секретарем РК был избран Всеволод Костюк, автор этих строк был избран в бюро нового райкома комсомола ответственным за "работу с научной молодежью".

Комсомолу тогда позволялось многое. ЦК ВЛКСМ проводил эксперименты, позволяющие ему зарабатывать средства, которые шли на поддержку зарубежных молодежных организаций, всевозможные фестивали и пышные мероприятия. Для них были сделаны некоторые послабления в очень строгом штатно-финансовом законодательстве. Обкомам, горкомам и райкомам комсомола были даны права создавать предприятия, зарабатывающие деньги. Причем расходование полученных средств регулировалось самим комсомолом. Часть уходила наверх – в Обком комсомола, но значительная часть оставалась и в райкоме и могла расходоваться в соответствии с его решениями.

...Недавний выпускник НЭТИ, инженер Вычислительного центра СО АН Александр Казанцев впервые обратил на себя внимание на упомянутой конференции. То, что он говорил, было настолько свежо и нетривиально, что обратило на себя внимание всего комсомольского "актива". А.Казанцев рассматривал хозяйственную деятельность комсомола как путь к реализации обсуждавшихся изменений в комсомоле. "Вы хотите

клубов? — А где взять деньги на аренду помещения? ...Вы хотите спорта? — А на что купить инвентарь? ...Вы хотите туризма? — Заработайте на поход или на экскурсию. ... Ничего у нас не получится на скудном пайке обкомовского бюджета, да и друзей у нас там маловато. И вообще, не к лицу побираться молодым людям, обладающим квалификацией и энергией. Доведите ваши изделия и программы до товарного вида, продайте их заинтересованному заводу или НИИ, — и мы решим две проблемы одновременно: проблему комсомола и проблему ВНЕДРЕНИЯ". В Уставе ВЛКСМ было прописано, что комсомол может для финансового поддержания своей уставной деятельности создавать новые хозяйственные подразделения, деятельность которых неподконтрольна обычным советским финансово-хозяйственным органам, а только специальным внутренним контрольно-ревизионным органам партии и комсомола, и при этом свободна от уплаты налогов. "Еще недавно подобная деятельность комсомола на уровне райкома была бы лишена всякого смысла, — продолжал А.Казанцев. — Но обсуждаемые в стране новые экономические принципы ("Косыгинская реформа"), которые для повышения материальной заинтересованности субъектов хозяйствования разрешают предприятиям из оплачиваемых за выполненные работы средств образовывать прибыль, могут послужить реальным фундаментом для социально обоснованной хозяйственной деятельности комсомола".

Казанцев Александр.

В 1965-м эти речи были откровениями и от них веяло чем-то давно забытым, — купеческой сметкой, предпринимательской хваткой, — чем-то из Мамина-Сибиряка и Шишкова. Через пять лет такими ребятами наводнится "Факел", придет пора стройотрядов, договоров подряда и просто "шабашек". Двадцатилетние ребята будут проходить летом на Севере и Дальнем Востоке специфическую школу хозяйствования советского времени. Казанцев увлёк за собой делегатов конференции. Действительно, он был харизматическим лидером.

Основную задачу НПО «Факел» впоследствии сформулировали очень красиво: проведение силами научной молодежи институтов Сибирского отделения и студентов вузов Новосибирска научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ с целью ускорения научных исследований и внедрения результатов науки в производство».

Бюро советского райкома ВЛКСМ создало «Совет творческой молодежи» (СТМ). Совет возглавил Игорь Яковкин, преподаватель КЮТа. Начиная со второй половины 1966 года и в 1967 году с его помощью начала осуществляться помощь многочисленным клубам, спортивным секциям, коллективам художественной самодеятельности, финансирование

которых новым руководством Объединённым комитетом профсоюза и Дома культуры «Академия» резко сократилось.

Казанцев начал с того, что умел сам: работая в ВЦ по монтажу только что объявленной тогда ЭВМ М-220 и используя свой накопленный в НЭТИ в студенческой научно-технической деятельности опыт, он подключил студентов НЭТИ к сборке и наладке ячеек этой ЭВМ. Это было очень удобно, так как в те времена заводы отгружали заказчикам компьютеры практически безо всякой наладки, "на вес", и без местной доводки на всех уровнях у вас ЭВМ не заработает. Про-граммное обеспечение и вовсе создавалось "энтузиазмом миллионов". А здесь у вас готовый цех наладки, да еще и возможного расширения и апгрейда. С финансированием подобных работ на ВЦ проблем не возникало: как правило, это были работы оборонного характера с немеренным "безналичным" бюджетом, освоение которого у хозяйственников ВЦ всегда вызывало трудности. Я помню, как нас студентов в более поздние времена в конце года для освоения остатков этого бюджета приглашали на какие-то высосанные из пальца работы типа составления списков рефератов на заданную тему с очень неплохой оплатой.

В это время в ВЦ монтировались и налаживались первые ЭВМ. Казанцев подключил к этой работе студентов, как временных рабочих НПО «Факел», а «Факел» заключил договор с ВЦ. ВЦ, заключивший договор на выполнение работ с райкомом комсомола (даже не с НПО «Факел»), был чист, «Факелу» же и райкому пришлось решить один очень трудный вопрос: получить наличные деньги в банке и выдать их студентам. Возможно, на этом, самом первом этапе Казанцеву просто повезло. Во-первых, директор ВЦ Г.И. Марчук был заинтересован в быстром монтаже и наладке ЭВМ. Во-вторых, все понимали, что студентам грех не предоставить возможность заработать. В-третьих, счет в банке, на который переводились деньги ВЦ СО АН, принадлежал РК ВЛКСМ, в-четвертых, в уставе ВЛКСМ была статья, на которую можно было сослаться. Управляющий госбанком разрешил выдать деньги.

Эксперимент А.Казанцева быстро привлек к себе общий интерес всех соприкасавшихся с ВЦ специалистов. Среди них оказался инженер Института теоретической и прикладной механики СО АН Александр Фридберг, специалист в области холодной плазмы, подыскивавший партнеров для математического моделирования плазмохимических процессов. На основе идеи А.Казанцева А.Фридбергом была развита концепция, позднее узаконенная как форма "Временного научно-технического коллектива" (ВНТК), позволявшая ставить комплексные междисциплинарные проекты, выполнение которых немыслимо без объединенных усилий специалистов различных направлений. До той поры реализация подобных проектов была невозможна без специальных постановлений ЦК партии и Совмина. А.Фридберг и его однокашник по Саратовскому университету, инженер ВЦ Р.Нигматуллин, создали в структуре "Факела" филиал опытно-конструкторских разработок — систему временных научно-технических коллективов для со-пряжения цепочки "математическая модель — система автоматизированного проектирования (САПР) — изделие (технология)".

В дальнейшем эти "факельские" заделы легли в основу многих совместных инженерных разработок специалистов по теплотехнике, механике сплошной среды, аэро-, газо- и гидродинамике с математиками ВЦ и Института математики. Именно А.Фридбергу принадлежит заслуга привлечения внимания к "Факелу" со стороны "лаврентьевских реформаторов", в результате чего у истоков "Факела" стали и его "взрослые" друзья из Президиума СО АН — действующие и будущие академики — М.Жуков, С.Кутателадзе, В.Накоряков, В.Струминский, А.Трофимук, Е.Шемякин, Н.Яненко и др., вошедшие

впоследствии в образованный райкомом ВЛКСМ Научно-технический совет (НТС) «Факела».

Эти две ветви — комсомольско-предпринимательская — А.Казанцева и научно-интеграционная — А.Фридберга, тесно переплетясь между собой, и создали специфический советский экономи-ческий феномен, над которыми потом долго ломали головы экономические обозреватели "Комсомольской правды" и "Литературной газеты".

К 1967 г., когда на бюро Советского райкома ВЛКСМ был утвержден устав НПО "Факел", на основе прибыли, приносимой хозяйственной деятельностью молодых научных сотрудников, в районе была развита целая система социального развития молодежи. Для открытия ККБ нужна была поддержка райкома партии. С избранием первым секретарём экономиста В.П. Можина она была получена.

Все кружки, клубы и секции потянулись к комсомолу, потому что довольно быстро на счете райкома появились не просто деньги, а большие деньги. Начали создаваться некоторые со-вершенно новые коллективы – танцевальный клуб «Терпсихора» Геннадия Алференко и театр миниатюр Евгения Вишневского, фотоклуб «Кадр», а впоследствии и созданный журналистом Каремом Рашем фехтовальный клуб «Виктория». В СТМ был и шахматист Аношин ("Совет спортивной молодежи"), в недавнем прошлом чемпион мира среди юниоров, председатель профсоюзного шахматного клуба. Он вскоре собрал вокруг себя спортивные секции, нуж-дающиеся в деньгах – туризм, альпинизм и подводное плавание (клуб подводников "Нептун"). Впоследствии был создан Совет спортивных клубов, который помогал распределять деньги, за-работанные «Факелом». Творческую молодежь собирал вокруг себя Игорь Яковкин ("Совет творческой молодежи"). Они организовывали приезд в город по приглашению райкома комсо-мола известных советских и зарубежных артистов балета, хореографов и театральных критиков. Частыми гостями комсомольских посиделок в ТБК были молодые солисты балета из Новосибирского академического театра), финансировалось фотоискусство (Александр Нариньяни), работали театр-студия, студенческий театр миниатюр (благодаря Евгению Вишневскому, познакомившему Академгородок с ранними Г.Гориным и М.Розовским). Вынашивалось множество социальных проектов, иные из которых и сейчас поражают своей амбициозностью.

Райком комсомола, взяв «Факел» под свое крыло, нарушал законодательство страны, обналичивая безналичные деньги. В массовом порядке это стало возможным при Горбачёве, что сразу обрушило экономику. Не было права платить зарплату людям, если у тебя нет утвержденного вышестоящим комсомольским органом фонда заработной платы. А вышестоя-щему – Обкому комсомола – нужен фонд зарплаты, утвержденный ЦК ВЛКСМ. А тот, в свою очередь, получал его от Министерства финансов и Госкомитета по труду и заработной плате. Деятельность «Факела» на какое-то время выпала из внимания госбанка, как считается, благодаря ежемесячному прикорму его руководителей. Они не имели права выдавать зарплату тем, кто был оформлен на работу в «Факеле», поскольку эти выплаты шли не из строго лимитируемого правительством фонда заработной платы, а из безналичных денег. До сих пор непонятно, почему Госбанк дал согласие на операции, которые в тот период времени были криминальными. Понятно, почему при заключении договора, например, ВЦ с НПО не передавали последнему вместе с деньгами необходимый фонд заработной платы. Это абсолютно не устраивало институты СО АН, где фонд зарплаты был на вес золота. Можно ли было попытаться зарегистрировать нормальным образом НПО «Факел» при райкоме комсомола, как предприятие, принадлежащее комсомолу (такие были), и получить на него через Госэкономкомиссию СССР и Госкомитет по труду и заработной плате СССР фонд заработной платы и штатное

расписание сначала на ЦК ВЛКСМ, которое по цепочке спустило бы его до райкома ВЛКСМ и НПО? Потом как-то сбалансировать полученные фонды и выполняемую работу. Так или иначе, “Факел” ярко высветил сильный тормоз развития экономики. Выполнить важную и нужную высококвалифицированную работу было можно, вот только оплатить её в соответствии с законом оказалось нельзя. Вместо того, чтобы решить вопрос оплаты, закрыли успешно работающую фирму и важные проекты. Практика введения различного рода преференций для поддержания приоритетных направлений развития хозяйства была обычна прежде и обычна ныне. Однако в какой свободной экономической зоне — Ингушетии, РПЦ, Союзе афганцев или в Калининграде, — эти пре-ференции привели к сколько-нибудь заметному социальному оздоровлению? А сколько копий было сломано в последние годы за налоговые льготы для переживающей тяжелое время рос-сийской науки! Было ли детище М.А.Лаврентьева достойно преференций?

В основу устава НПО "Факел" был положен "косыгинский" хозрасчетный механизм, для повышения материальной заинтересованности участников хозяйственных договоров узаконивавший прибыль, из которой формировался, в частности, и фонд социального развития. Сегодня мы знаем как апологетику, так и уничтожающую критику концепции этой реформы. "Факел" оказался первопроходцем в освоении хоздоговорного механизма косыгинских квазиреформ. Это создало экономическую базу для интеграционной политики М.А.Лаврентьева, позволив независимо от центра финансировать междисциплинарные проекты, в том числе — и импровизированные и рискованные ("венчурные"). На некоторое время молодежь получила реальный доступ к научно-технической политике ННЦ, и, более того — к "рычагам и кнопкам" управления. Одновременно в распоряжение бюро райкома комсомола попала прибыль, со-вокупно зарабатываемая в "Факеле". На те недолгие годы общественные фонды Академгородка стали общедоступны, прозрачны и контролируемы. Этот прецедент и поныне представляется недосягаемым образцом демократического самоуправления.

Первым шагом к раскрепощению хоздоговорной деятельности по внедрению научных результатов было разрешение на совместительство, выдававшееся только преподавателям вузов для поддержания их научной формы, а внедренная заботами М.А.Лаврентьева "физтеховская" система преподавания в НГУ распространила эту льготу и на сотрудников институтов ННЦ. Экономическая идея А.Казанцева позволила резко расширить эти льготы, создавая, по существу, хозрасчетный совместительский научно-исследовательский сектор (НИС) непосредственно при ННЦ, — это был второй шаг в направлении экономической либерализации науки. "Факел", предвосхищая некоторые проблемы еще не сформированного в те годы "пояса внедрения", воспитывал для него менеджеров среднего звена.

В институтах СО АН обозначилось кадровое насыщение, стала консервативнее и научно-организационная жизнь. Один из фондов "Факела", называвшийся тогда в обиходе "дотационным" ("фонд развития предприятия"), был предназначен для инновационной поддержки на конкурсной основе молодежных проектов. Не раз на конкурсной арене Совета директоров сталкивались самые сокровенные интересы членов Президиума СО РАН, и не раз Совету директоров НПО приходилось брать на себя финансирование обоснованных альтернативных проектов молодых научных сотрудников, входивших в противоречия с интере-сами своих "завлабов". Из этого "инкубатора" вышло множество работ, впоследствии (когда источники их первоначального финансирования были уже хорошо забыты), составивших честь ин-ститутам СО РАН, их породившим.

"Факел" отобразил в своей структуре отраслевую научную схему Сибирского отделения АН, создав ряд филиалов, объединяющих отдельные научно-технические направления

ННЦ. В результате дирекция НПО и НТС получили уникальную возможность влиять на научно-техническую политику и стратегические решения институтов ННЦ, маневрируя собственными независимыми источниками финансирования.

Молодые менеджеры НПО вносили в размеренную жизнь ННЦ будоражащую атмосферу "междисциплинарной" активности. На заседаниях Совета директоров НПО и НТС, по своей жи-вости нередко напоминавших клубные тусовки, кипели нешуточные профессиональные страсти и устанавливались плодотворные контакты, зачастую в дальнейшем принимавшие вполне деловой характер.

Упомянутый выше Р.Нигматуллин "сопрягал" физико-химическую лабораторию тогда еще к.х.н. В.Коптюга с лабораторией Ю.Дробышева, занимавшейся в ВЦ разработкой систем искусственного интеллекта для информационного поиска и идентификации. Так зарождалась получившая впоследствии мировое признание информационно-спектроскопическая база данных для идентификации результатов лабораторного ЯМР-анализа.

Директор геологического филиала "Факела" М.Шемякин помогал будущему академику Н.Добрецову строить, с привлечением математиков и программистов других институтов ННЦ, программную систему статистической обработки результатов минералогических и петрографических полевых наблюдений. Ныне широко популярная сибирская технология изготовления искусственных минералов также зарождалась именно в этом филиале из "дотационного" финансирования.

Многие заседания руководства "Факела" завершались конкретными решениями по постановке работ, на принятие которых до "Факела" и после него потребовалось бы изнурительное до-бывание централизованных бюджетных средств, — и эта возможность увлекала многих сподвижников М.А.Лаврентьева, имевших опыт приведения в движение мощных централизован-ных ресурсов государства, — и, тем не менее, лишенных зачастую возможности оперативно проверить внезапно возникшую в междисциплинарных обсуждениях идею. Для членов НТС это был некий объединенный ученый совет, обладавший, в отличие от многочисленных советов, в которых они заседали, реальными финансовыми возможностями. Это было экономическое обеспечение лаврентьевской интеграционной идеи.

В рамках заключенных хоздоговоров (к 1969 г. на 1 млн. руб.) разрабатывались новые научные проекты, в том числе и по таким перспективным направлениям, как плазмохимия и автомати-зация научного производства. Здесь "Факел" имел научный приоритет перед многими академическими институтами .

Начинает переосмысливаться, не только на уровне теории, но и актуальной практики, опыт создания самого научного комплекса. Эксперимент с созданием научно-реализационного объединения "Факел" как раз и стал одним из проявлений подобной критики — формировалось звено, призванное компенсировать появляющиеся в академгородковской практике элементы научного консерватизма и монополизма сложившихся научных школ, а также преодолевать дисциплинарные и институциональные границы между отдельными учреждениями научного центра.

Четыре с небольшим года работал «Факел» в Академгородке. Некоторые лаборатории и институты, работавшие с ним в эти годы, выиграли и сильно продвинулись вперед. Может быть, даже очень сильно.

Сотни и тысячи людей заработали с его помощью деньги, что при зарплатах того времени было немаловажным.

Помощь клубам, спортсменам, творческим коллективам тоже, наверняка, пришлась кстати. По крайней мере, эти четыре года они жили полной жизнью.

Летом 1971 г., специальным распоряжением Министра внутренних дел М.Щелокова был закрыт "Факел". Ликвидация "Факела" была эпизодом развернувшейся в то время кампании борьбы с "частно-предпринимательской деятельностью" и шла по тому же разряду, что и другие громкие дела "цеховиков" того времени. К 1971 г., к моменту, когда счет Советского района был заморожен (объем хоздоговорных работ НПО к тому времени достигал четверти общего объема, реализуемого Сибирским отделением АН), в районе была по существу создана система молодежного самоуправления, организационно развитая и экономически самодостаточная, способная собственными силами решать довольно сложные задачи социального развития Академгородка и выискивавшая внешние точки приложения своей выплескивавшей через край энергии. При райкоме работала группа молодых социологов, подготавливая план социального развития молодежи района на ближайший и долгосрочный период.

Можно было бы и пойти навстречу ученым, ходатайствующим за продолжение работы «Факела». Можно было бы пойти навстречу Академии наук. И академик М.А.Лаврентьев, по-видимому, видел в работе научных коллективов с «Факелом» больше плюсов, чем минусов и мог бы рассказать об этом первым лицам страны. Но Брежнев ни разу Лаврентьева не принял и не поговорил с ним.

“Факел” всё равно остался. В центре Новосибирска у замечательного здания театра оперы и балета стоит скульптурная группа. Фигура с факелом в руке выполнена на деньги фирмы “Факел”.

ФИЗМАТШКОЛА ПРИ НГУ.

Первая олимпиада для школьников по математике прошла в Ленинграде в 1934 году, в 1935-м аналогичная олимпиада была проведена в Москве. Оргкомитет I Московской олимпиады был создан под эгидой Московского математического общества, а его председателем стал ученик Лузина Павел Александров. Учениками Николая Николаевича Лузина были и организаторы физматшкол в Новосибирском Академгородке и в Москве А.Н.Колмогоров, М.А. Лаврентьев и А.А. Ляпунов Необходимость проведения олимпиады П.Александров обосновывал так:

“Основная забота о будущем советской науки требует, чтобы ни одно математическое дарование <…> не затерялось зря. <…> …Состязание должно заставить лучших из них почувствовать себя уже настоящими математиками, будущими учеными. Оно должно укрепить их веру в себя, зажечь их научный энтузиазм и в то же время заставить их почувствовать, что лишь длинный путь упорной работы приведет их к цели, к участию в качестве квалифицированных математиков, а иногда и больших самостоятельных ученых в той громадной стройке социализма, которая развернулась в нашей стране”.

По воспоминаниям одного из участников, в середине 1940-х: «…премия на Олимпиаде выдавалась… в виде грамоты и стопки математических книг. Первая премия была столь обширна, что, как правило, стопка рассыпалась, пока счастливый победитель нес ее, придерживая подбородком, от стола президиума к своему месту в зале». Во время ленинградских олимпиад профессора ЛГУ читали лекции для школьников. Ленинградская

олимпиада использовала опыт работы Научной станции для одаренных подростков, основанной в 1933 году. В 1934 году и в Москве при университете был создан кружок для школьников. После олимпиады 1935 года в Москве было организовано еще несколько кружков. Их собрания состояли преимущественно из докладов участников – школьников и руководителей кружков, чаще всего – аспирантов или студентов-старшекурсников. В конце 1950-х – начале 1960-х кружки при математических факульте-тах вузов создавались во многих городах. Например, в юношеской математической школе при Ивановском педагогическом институте преподавателями были сотрудники института и студенты.

В середине 1950-х годов военно-техническое противостояние и соревнование с США требовало все более подготовленных инженерных кадров, а для этого преподавание математики в вузах, следовательно, и в средних школах должно было кардинально измениться. Кроме того, после реабилитации кибернетики советские руководители науки стали требовать срочно интенсифицировать развитие компьютерной техники. Тогда они не только надеялись «догнать и перегнать Америку», но и построить централизованную компьютерную систему управления со-ветской экономикой. Разделение старшеклассников одной школы по разным специальностям, принятое в ряде школьных систем Европы и США, в СССР считалось вредной ересью (в ми-нистерских бумагах и педагогической литературе той эпохи его называли словом «фуркация») и специально клеймилось в педагогических книгах. Но в 1957 году уже шла кулуарная дискуссия о физматшколах. На совместном совещании Министерства просвещения РСФСР и Академии педагогических наук по вопросам улучшения преподавания математики в средней школе, про-шедшем 8 февраля 1957 года выступил ректор Ленинградского университета А.Д. Александров: “Известно, что математические способности начинают пробуждаться очень рано. Это может быть подтверждено огромным количеством примеров. Я считаю, что совершенно нецелесообразно применение к математической специальности в широком смысле слова попадание в высшую школу после отрыва от школы. Мы должны достигнуть, чтобы по нашей профессии было сделано исключение. Надо подумать, какие для этого должны быть формы, в какие моменты производить отборку. <…> Я не берусь указывать, как решить этот организационный вопрос, но мы должны обязательно его поставить и подумать о том, как обеспечить, чтобы достаточное количество студентов именно физико-механическо-математических факультетов попадало в университеты и в высшие учебные заведения непосредственно из школ”.

Сразу после обнародования записки Н.С. Хрущева «Об укреплении связи школы с жизнью…», на протяжении октября – декабря 1958 года в центральных газетах публиковались статьи крупнейших ученых о необходимости как можно скорее организовать в СССР школы с математическим или физико-математическим уклоном. Кампания проходила шумно. В каждом номере одной только газеты «Правда» печаталось несколько статей на эту тему и писем «с мест», от учителей, ин-женеров, агрономов и т.п. Были возражения, что любое разделение детей на более или менее способных аморально, вредно для общества и непедагогично. Другие считали, что склонность детей к тем или иным профессиям нужно в ходе образования формировать искусственно, а не спрашивать у них, чего бы им больше хотелось в жизни. Но победила другая аргументация: школы, готовящие отобранных детей к занятиям наукой, помогут совершению научно-технического прорыва. В 1961-1962 г. молодежь Сибирского отделения по инициативе академика Лаврентьева организовала и провела Первую Всесибирскую олимпиаду школьников. А в июле 1962 г. В Академгородке была проведена Первая Летняя школа. Затем родилась новосибирская ФМШ, и 21 января 1963 года А.А. Ляпунов прочел здесь первую лекцию по математическому анализу. В 1962 году по инициативе МФТИ проведена первая олимпиада школьников по физике. В олимпиаде приняло участие более 6 тыс. школьников из 63

городов и поселков. С 1963 г. олимпиады по физике стали проводиться в МГУ, а с 1964-го стали всероссийскими. В 1967 году Министерством просвещения СССР создан Центральный оргкомитет всесоюзной олимпиады по математике, физике и химии, который возглавил академик И.К. Кикоин. Руководителем его Методической комиссии по математике стал академик А.Н. Колмогоров. Первой официальной Всесоюзной олимпиадой школьников по математике считается олимпиада, проведенная этим оргкомитетом в 1967 г. С тех пор Всесоюзные математические олимпиады стали ежегодными.

Лекция Ляпунова.

Об идее возникновения физматшколы вспоминает Илья Файвильевич Гинзбург, с.н.с. института математики, доктор ф.-м. наук, который в 60-х и 70-х годах читал в ФМШ курс физики: “Продолжая обсуждения летней школы, однажды на наших глазах Г.И. Будкер «изобрел» физматшколу»: «А почему только летняя? – спросил он и сходу стал развивать довольно фантастическую картину, которую мы слушали с некоторым недоверием. Но идея возникла, ее горячим адептом стал А.А. Ляпунов, а вскоре ее поддержал и М.А. Лаврентьев. Без его поддержки никакой ФМШ получиться не могло”.

Письмо в правительство о создании ФМШ, кроме академика Лаврентьева, было подписано Министром высшего и среднего специального образования В.Н. Столетовым. Посчитав, что постановление правительства о создании школы будет получено к 1 сентября, по результатам олимпиады и личных собеседований со школьниками летом 1962 года провели набор. Но, несмотря на огромную пробивную силу академика Лаврентьева, несмотря на поддержку оборонных предприятий, которые академик Лаврентьев подключил к своей просьбе о создании ФМШ, постановление правительства не выходило. Дети сидели по домам, их попросили подождать, пока ситуация не прояснится. Лишь в январе 1963 г. академик Лаврентьев сумел лично подписать это злополучное постановление. Помог случай. Во время отпусков «на хозяйстве» остался член Политбюро Устинов. С ним и договорился академик Лаврентьев.

Немедленно выпустили решение Президиума СО АН, сформировали Учёный совет ФМШ. Разрабатываются учебные программы, выделяется только что сданный в эксплуатацию жилой дом на Детском проезде, куда и заселяются зачисленные в ФМШ дети – 119 школьников: 108 мальчи-ков и 11 девочек. Учиться они начинают в школе №25 и в самом

здании НГУ. Преподавателями стали члены АН СССР, доктора и кандидаты наук, молодые сотрудники академических институтов и студенты НГУ, группа школьных учителей. Школа начала своё существование 22 января. В этот день была проведёна первая лекция в ФМШ. А в 10:00 в конференц-зале Института математики состоялось торжественное открытие ФМШ. С краткой речью к собравшимся обратился М.А.Лаврентьев. На первых порах часть средств выделило Сибирское отделение АН, но точку в этих вопросах поставило новое Постановление правительства, принятое в августе 1963 года об организации физматшкол в Новосибирске, Москве, Ленинграде и Киеве как разновидности школ-интернатов (до этого в стране работали школы-интернаты для учеников 1-7 классов из малонаселённых деревень). Целью создания физико-математических школ ставилось выявление детей, проявивших склонности и способности к изучению математики, физики, химии и биологии, и создание условий для развития творческих способностей школьников, их самостоятельности, интереса к научной деятельности. Академик Лаврентьев договорился с Обкомом КПСС о передаче ФМШ только что построенной школы в микрорайоне «Щ» и о получении этой школой статуса ФМШ-интерната.

Рассказывают, что когда в совете школы обсуждался учебный план и решался вопрос о количестве часов на иностранный язык, было принято предложение Дмитрия Васильевича Ширкова. Впервые в стране для изучения иностранного языка класс стал делиться на группы по 10 человек, так как главное в обучении иностранному языку - это возможность говорить.

В 1968 году мы жили уже в девятиэтажке на Ильича, а занимались в Университете.

Надо представлять, как волшебно звучали тогда эти слова: Золотая долина, Дом учёных, кафе “Под интегралом”, киноклуб “Сигма”, танцевальный клуб “Терпсихора”.

Клуб «Терпсихора»

В те времена невозможно было представить, чтобы какое-то городское добровольное общество не имело вышестоящего звена. Такого звена не имели всего три общества в Советском Союзе: общество садоводов-любителей, московское городское общество любителей декоративных животных и какое-то прибалтийское общество любителей птиц. «Терпсихора» открывает счёт в банке, реставрирует старинный особняк и становится уникальным объединением, опыт деятельности которого изучается многочисленными последователями.

Г.П. А лференко: «Вы знаете, с кем бы из ценителей балета я ни встречался, все вспоминают «Терпсихору», которую удалось сделать в Новосибирске в 1973 году. Когда я рассказал о «Терпсихоре» своему адвокату в США , он сказал, что создание такой организации – это начало создания гражданского общества в Советском Союзе. Я задумался и понял, что это действительно так. Ведь в то время создание организации со статусом юридического

Встреча в ДУ СО АН СССР с выдающейся балериной Л. Семенякой и солистом балета Большого театра А. Плисецким. С микрофоном – Г. Алференко.

лица, которая никому не подчиняется, было сродни полету на Луну. Организация имела счет в банке и сама выплачивала гонорары приглашенным звездам. Кто только ни приезжал тогда в Новосибирск: Галина Уланова, Игорь Моисеев, Владимир Васильев, Алисия Алонсо, Марис Лиепа, Михаил Барышников и другие. Мы проводили фестивали кубинского и американского балета, конкурсы знатоков балета, дискотеки и так далее. То есть вы берете балет и рассматриваете его полифункционально, как инструмент развития и связи со Вселенной. Ведь еще в Древней Греции танец был сакральным инструментом развития личности. В танце существовал синкретизм, сознание, в нем раскрываются душа и тело. «Терпсихору» закрывали как идеологическую диверсию, во что сейчас трудно поверить, и нам пришлось 15 лет отстаивать ее. Нам предложили сменить статус самостоятельной организации на хореографическую секцию Всесоюзного хорового общества, которое осуществляло идеологический контроль исполняемого репертуара. Мы не согласились и продолжали мягкую ненасильственную борьбу».

Алференко: «Когда я понял, что модель добровольного общества должна работать, я купил книгу «Добровольные общества при социализме», в которой черным по белому было написано, что такое понятие существует в законодательстве от 1932 года. Также я нашел в инструкции Государственного Банка строчку о том, как открыть счет первичной общественной организации без вышестоящего звена. Значит, любой гражданин мог открыть ее по интересам, и она могла законно существовать, иметь счет в банке и помещение. И я подумал: «А почему бы не создать такую организацию, которая будет поддерживать все виды стартапов, оказывать организационную, фи-нансовую, юридическую поддержку?» Мне показалось, что можно создать такой фонд, я назвал его «Фондом молодежной инициативы»».

В 1985 году в Москве Алференко создал «Фонд социальных изобретений» при газете «Комсомольская правда» как добровольную ассоциацию читателей для реализации инициатив, способствующих созданию и развитию открытого гражданского общества. Фонд не только сумел выжить и добиться успеха, но и помог десяткам других организаций. Он стал учредителем таких структур, как Союз «Чернобыль», Союз ветеранов Афганистана, шахтерская ассоциация «Богатыри», Фонд авиационной безопасности, Ассоциация борьбы со СПИ Дом, Международная ассоциация клубов «Что? Где? Когда?» и других. Потом у Алференко было ещё много чего.